

УПРАВЛІННЯ ЕКОНОМІКОЮ: ТЕОРІЯ І ПРАКТИКА

<https://doi.org/10.15407/economyukr.2020.02.024>

УДК 338.24.021.8

Р.Ф. ПУСТОВИЙТ, д-р екон. наук, проф.,
проф. кафедри економіки, підприємництва і маркетинга,
Черкаський державний бізнес-коледж,
ул. Вячеслава Черновола, 243, 18000, Черкаси, Україна,
e-mail: rfpustovit@gmail.com,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0188-2677>

О.В. КУКЛИН, д-р екон. наук, проф., директор,
Черкаський державний бізнес-коледж,
ул. Вячеслава Черновола, 243, 18000, Черкаси, Україна,
e-mail: kuklin_oleg@ukr.net,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6904-3496>

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ И РИСКОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ НА ЭКОНОМИКУ ГОСУДАРСТВА

*Исследованы экономики государств с точки зрения факторов, обусловленных воздействием формальных и неформальных институтов и минимизирующих риски политической нестабильности. Акцентировано внимание на том, что качество институциональной среды с учетом взаимосвязи с политической устойчивостью является ключевым пред-
варительным условием экономического развития и динамичного роста ВВП.*

Ключевые слова: институциональная теория; формальные и неформальные институты; политическая нестабильность; «Индекс недееспособности государств»; конкурентоспособность стран; коррупция.

В последние годы появилось много научных исследований, предоставляющих весомые доказательства того, что институты вносят значительный вклад в долгосрочный экономический рост, а их качество является одним из ключевых факторов, определяющих экономическое развитие. Таким образом, институциональная теория играет решающую роль не только потому, что помогает сосредоточиться на наиболее важных механизмах социально-экономического развития, но и потому, что обеспечивает рекомендациями в сфере обоснованности методик сбора необходимой информации, получе-

Ц и т р о в а н и е: Пустовийт Р.Ф., Куклин О.В. Воздействие институциональных факторов и рисков политической нестабильности на экономику государства. Економіка України. 2020. № 2 (699). С. 24—44. <https://doi.org/10.15407/economyukr.2020.02.024>.

ния достоверных данных, а также предоставляет возможности для формулировки релевантных умозаключений. При этом основная причина того, что институциональное качество, как результат состояния и результативности основных факторов институциональной среды, способствует экономическому росту, заключается в следующем. Именно институциональные слагаемые, в частности политическая стабильность, общественное доверие к политикам, независимость правосудия, контроль за коррупцией, верховенство закона и т. д., стимулируют субъектов экономической деятельности повышать производительность труда и снижать транзакционные издержки за счет уменьшения неопределенности в сфере договоров контрактации, что делает экономические проекты более прибыльными и, следовательно, более вероятными для осуществления.

С учетом предложенной проблематики, необходимо определить и те обстоятельства, которые формируют институциональный порядок в политической сфере и непосредственно влияют на экономическое развитие государства. Теоретически можно предположить, что государство, в котором политики, бизнес и общество взаимодействуют в стабильной политической среде, будет иметь меньше конфликтных рисков между различными группами интересов и обладать потенциалом для экономического роста страны. Однако одновременно необходимо учитывать институциональные возможности бизнес-элиты, которая стремится контролировать правительство, влиять на государственную политику и таким образом приобретать экономические преференции. Но при этом возникает ряд проблем, ограничивающих экономический рост и приводящих к падению жизненного уровня населения, ускорению имущественной поляризации и, в конечном итоге, к усилению политической нестабильности. Данное предположение рассмотренного институционального порядка является лишь одним из многих, которые влияют на риски политической стабильности в государстве.

Наряду с этим, общество может иметь и другие институциональные проблемы в политической системе страны, связанные с коррупцией, неудовлетворительной защитой прав собственности, недостаточной независимостью правосудия и эффективностью правовой среды, неправомерными платежами и т. д. Речь идет о тех институтах, которые представляют собой совокупность социально-экономических механизмов, влияют на вероятность возникновения существенных перемен в политической сфере и обуславливают потенциальные риски политической нестабильности и неудовлетворительное экономическое развитие.

Таким образом, **цель статьи** — исследовать экономики стран с точки зрения факторов, минимизирующих риски политической нестабильности, определяющих развитие формальных и неформальных институтов и динамику социально-экономических трансформаций в терминах институциональной теории. Одновременно, на основе изучения обстоятельств формирования институциональной среды и исследования корреляционно-регрессионной связи между выбранными показателями представленных стран, предложить рекомендации по модернизации институциональной среды в экономике Украины в контексте современной методологической парадигмы поиска точек соприкосновения взаимодействия власти, бизнеса и общества.

По нашему мнению, именно вопросы институционального равновесия чаще всего создают проблемы в сфере валидности и становятся основными для анализа альтернативных позиций, приводящих к кардинальным политическим и экономическим модификациям.

ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПАРАМЕТРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ/НЕСТАБИЛЬНОСТИ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАВНОВЕСИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ряд исследований дают неоднозначные результаты относительно влияния политической стабильности/нестабильности на экономический рост и риски институциональной трансформации. При этом выдвигается предположение, что политические институты важны в экономической сфере, и особенно — в период политической неустойчивости, когда появляются и усиливаются негативные эффекты влияния на экономику в целом и экономический рост в частности [1; 2; 3]. Поэтому считаем обоснованным такое умозаключение профессора В.Д. Лагутина о том, что «стимулирование социально-экономического развития в условиях отсутствия более или менее эффективных институтов и механизмов развития не имеет смысла» [4, с. 14].

Таким образом, политическая нестабильность в качестве ориентации к смене власти именно «неконституционным» путем [3, с. 191] расценивается экономистами как серьезная проблема, наносящая большой ущерб экономическим показателям поступательного движения страны и качеству ее институтов. В дополнение подчеркнем, что риски политической нестабильности, как правило, сокращают возможности политиков в определении оптимальных кратко- и среднесрочных макроэкономических задач. Это может привести к частой смене правительства и, скорее всего, к неоптимальным уровням планирования и управления политическим процессом, что создает экономическую турбулентность и, следовательно, негативно влияет на макроэкономические показатели и институциональную стабильность.

В то же время подчеркнем, что аргументы, основанные на политической неопределенности и переходных издержках институциональной трансформации, предполагают положительную корреляционную связь. Между тем, в ситуации периода политического «спокойствия», с учетом концепции «институционального склероза» М. Олсона, формируются институты, препятствующие созданию «эффекта безбилетника». Однако очевидно и то, что влияние институциональной нестабильности на экономическое развитие должно учитывать разнообразие последствий. Для этого признаём многомерность институционального качества и предполагаем следующее: последствия нестабильности могут варьироваться в зависимости от ее тенденций и политических рисков, а институциональное качество обуславливает неоднозначные эффекты институциональных изменений в богатых и бедных странах [5, р. 467]. Даже среди развитых стран в некоторых институты характеризуются большей неустойчивостью, чем в других, и экономическая теория в целом неоднозначно трактует следующий предмет обсуждения: каким образом институциональные изменения и риски политической не-

стабильности могут конкретно повлиять на экономику определенной страны в долгосрочной перспективе. При этом возникают вопросы относительно основных институциональных источников и механизмов «инфицирования» стресс-факторами политической стабильности, экономического развития и институциональной устойчивости, а также касательно определения показателей политической нестабильности, влияющих на экономическое развитие и качество институциональной среды.

В настоящее время в ряде научных публикаций анализируются негативные последствия политической нестабильности для широкого диапазона макроэкономических показателей, включая валовой внутренний продукт, уровни безработицы и инфляции, состояние государственного бюджета и т. д. Однако при этом возникает вопрос о разновидностях политической нестабильности и прецедентах авторитарных режимов в странах с высокими показателями ВВП на душу населения. Традиционно авторитарные режимы делят на экономически успешные и неуспешные, что определяется по критериям политической стабильности, темпам экономического роста, способности к экономической и социальной модернизации. «Классические» успешные в экономическом плане авторитарные режимы — это современный Китай, Сингапур в период первого премьер-министра Ли Куан Ю (1959—1990 гг.), Чили во времена президентства Аугусто Пиночета (1974—1990 гг.), Южная Корея первых президентов, Тайвань, страны Персидского залива.

Хотя примеры экономически эффективных авторитарных экономик, отличающихся политической стабильностью в плане способности государственной системы длительное время функционировать без значительных изменений и обеспечить преемственность власти, не рассматриваются как общепринятые и закономерные явления. Подавляющее большинство стран с авторитарными режимами находятся в состоянии экономической деградации, то есть являются коррумпированными, с незначительным или отрицательным экономическим ростом, высокой поляризацией населения по доходам, низким ВВП на душу населения, неудовлетворительным внедрением инновационных технологий. К таким странам относятся, например, Северная Корея, Демократическая Республика Конго, Центрально-Африканская Республика, Куба, Зимбабве, Боливия.

К сказанному добавим результаты исследования Р. Дани и Р. Вачарга, показавшего, что из 24 стран, начавших процесс трансформации от авторитарных к демократическим режимам, в половине государств в первые 5—10 лет преобразований наблюдалось падение темпов роста ВВП, а у трети — был зафиксирован отрицательный рост. Этот вывод относится к таким странам, как Эквадор, Румыния, Португалия, Испания, Сальвадор, Боливия, Венгрия, Доминиканская Республика, Гондурас, Перу, Бразилия, Парагвай, Бангладеш, Никарагуа [6, р. 53]. В то же время, согласно результатам исследования А. Айсена и Ф. Вейга, риски политической нестабильности значительно снижают темпы роста ВВП. Так, очередная смена правительства (назначается новый премьер-министр и/или более половины постов в кабинете министров занимают новые люди) снижает ежегодные темпы роста реального ВВП на душу населения на 2,39 процентного пункта [2, р. 4], что в основном связано с негативным влиянием политической

нестабильности на совокупное повышение производительности факторов производства, на которое приходится более половины роста ВВП. Политическая нестабильность сказывается и на экономическом росте, в том числе и из-за неэффективного накопления физического и человеческого капитала, причем первый эффект имеет несколько больший итоговый результат, чем второй. Эти явления во многом помогают понять, почему риски политической нестабильности наносят ощутимый ущерб экономическому развитию. При этом первостепенное значение имеет рассмотрение концепции институционального равновесия, которая дает определенные ориентиры при оценке этой проблемы.

Во-первых, в ответ на политические шоки (радикальные политические преобразования) в стране могут возрасти предельные издержки производства, то есть возникнут условия убывающей отдачи. В то же время гипотетически возможна ситуация, когда высокие фиксированные издержки создают значительную экономию на масштабе производства. Однако своеобразная структуризация фирмами своих издержек в соответствующей институциональной среде может создать риски в виде барьеров для доступа конкурентов и привести к созданию олигополистической структуры рынка. Вместе с тем доминирующие институты в периоды политической стабильности структурируют общество таким образом, что уменьшают издержки согласования. Таким образом, чем большее количество экономических агентов осуществляет свою деятельность в рамках эффективной институциональной среды, тем выше суммарный эффект их функционирования, что означает возрастающую отдачу.

Во-вторых, политические факторы риска (например, вероятность кардинальных изменений в составе правительства или проводимой им политики, чрезмерное государственное вмешательство в бизнес-среду, неудовлетворительная защита прав собственности) провоцируют эндогенные факторы неопределенности. Указанные обстоятельства непосредственно влияют на деятельность фирм, порождают ряд рисков в области финансирования хозяйственной деятельности и обуславливают невозможность достоверного моделирования основных прогнозных параметров, к которым относятся изменения: технологии и структуры основных производственных фондов, емкости рынка сбыта и объемов производства, возможностей конкурентоспособности предприятия, рентабельности производства и т. д.

В-третьих, потенциальное влияние композиции социально-экономических систем на общее равновесие. При этом композиция определяется как конструкция экономических субъектов и ресурсов, образующих единое целое и взаимосвязанных между собой в сфере обеспечения функционирования фирм и домохозяйств. Такой эффект возникает из-за возможности замещения одних факторов производства (товаров, услуг) другими, и в условиях неустойчивого равновесия при установлении нового изменяются уровень цен и объем спроса и предложения.

В описанных обстоятельствах процесс институциональной эволюции трактует институты не как экзогенно заданные ограничения, а скорее, как исход индивидуальных взаимодействий. В этом случае представляется необходимым выйти за границы, которые традиционно формулируют ин-

ституты, и исследовать взаимодействие, в ходе которого появился данный институт. Для этого конкретизируем модель, которая в качестве возможных результатов имеет множество способов взаимодействия участников. При заданных условиях конечным результатом предложенной модели являются институты, а процесс институционального изменения состоит в переходе от одного институционального последствия к другому. В конечном счете, итогом рассматриваемой модели является фиксация договора, то есть равновесия по Нэшу в игре с n индивидами, когда соблюдение контракта становится наилучшим реагированием индивида до тех пор, пока он полагает, что большинство игроков также придерживаются согласованного контракта, и ни один из участников договора не может увеличить выигрыш, изменив свою стратегию, если другие участники своих стратегий не меняют. Институциональное изменение происходит, когда одно соглашение заменяется другим. Таким образом, анализ институциональных инноваций и изменений становится проблемой выбора равновесия, то есть нахождения причин, почему именно это равновесие реализуется и поддерживается, в то время как альтернативные равновесия тоже были бы возможны [7, р. 352]. Для пояснения данной теоретической концепции рассмотрим реальный факт в плоскости анализируемой проблематики [8].

АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ПОСЛЕ ОБРЕТЕНИЯ УКРАИНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

На основе изложенного конкретизируем такие институциональные факторы клептократической экономики [9]: первый — политические инвестиции должны приносить провластным «псевдоэлитам» финансовые дивиденды в виде коррупционной ренты; второй — политические инвестиции провластных «псевдоэлит» воспринимаются фирмами и домохозяйствами как собственное демократическое волеизъявление; третий — практически полное отсутствие антикоррупционных институтов в сфере судебной и правоохранительной деятельности, а именно: гарантий, в частности, независимости судебных институций от органов исполнительной власти, ограничений и запретов, например, на незаконное вмешательство в судебную и правоохранительную деятельность.

Наряду с этим, в условиях украинской клептократической экономики в период с 1994 по 2008 г. был реализован негласный общественный договор между возникавшими тогда олигархическими структурами и населением страны, суть которого состояла в следующем. Приватизация, проводившаяся в крайне сложной экономической, финансовой, политической обстановке и в ситуации начала институциональных реформ во время создания правовой базы рыночного фундамента экономики, привела к появлению олигархов. При этом, с учетом национальной специфики, под олигархами понимаем крупнейшие влиятельные бизнес-группы, которые возникли вместе с трансформационными процессами в экономической и политической сфере страны после обретения Украиной независимости в 1991 г. В дополнение к сформулированному подчеркнем, что отличительной особенностью оли-

гархов является прерогатива «захвата государства», в результате которого ограничивается доступ к власти оппонентов, а потенциал государственного администрирования используется в корыстных целях как инструмент получения политических дивидендов конфиденциальными коалициями. Одновременно олигархи используют представленные возможности для формирования институциональной среды в своих интересах, генерируя коррупционную ренту за счет искажения правил конкурентной рыночной экономики, политического лоббизма и формирования рентоориентированной идеологии как в сфере управления страной, так и в принципах организации бизнеса [10, р. 107]. В сложившейся ситуации наиболее ценным активом является власть, благодаря которой физические активы становятся капиталом и приобретают способность приносить доход. Поэтому инновационные технологии и менеджмент в условиях клептократической экономики не являются ключевыми факторами получения прибыли, а возможность получения дивидендов определяется местом, которое занимает бизнес в иерархии экономической власти [11, с. 21]. Закономерным следствием изложенного является тот факт, что уже в 2008 г. совокупное богатство 50 самых богатых олигархов равнялось 85% ВВП Украины [12].

Параллельно с этим произошла узурпация олигархами стратегий развития страны (например, бюджетного процесса), которые разрабатывались в интересах «псевдоэлит» и имели тенденцию к удовлетворению их бизнес-интересов. Одновременно стимулировалась противоправная активность в хозяйственной сфере, а успех в бизнесе определялся личными коррупционными связями с государственными служащими в правоохранительных органах и судебной системе. Особенно губительным для страны было то, что назначение на должности как в государственном, так и в экономическом секторе происходило исходя из собственных бизнес-интересов олигархов и в условиях усугубления неформального института «кумовства», а не по квалификационным требованиям. Одновременно лоббирование интересов олигархических групп государственными служащими исполнительных органов, представителями законодательной и судебной ветвей власти осуществлялось исключительно при наличии личной заинтересованности.

В целом в украинский политике доминировала квазидемократическая система, которая обслуживала преимущественно интересы украинских кланово-корпоративных групп. Приоритет политической целесообразности над экономической необходимостью опирался на их экономические интересы, а именно: присвоение активов в результате принятия соответствующего законодательного нормативного акта, получение дополнительных преференций и прибыли от лоббистской деятельности, что лишало национальную экономику ресурсов для инновационного инвестирования и возможностей для расширенного воспроизводства [13, с. 23].

Еще одним следствием указанного процесса является формирование двойственной институциональной структуры общества, когда под формальными институтами маскировалось противоположное им содержание. Таким образом, субъекты хозяйствования были нацелены не на развитие производства путем конкуренции и внедрения в экономику инноваций, а на быстрое обогащение за счет различных схем. В результате социальная

структура была деформирована и росло имущественное расслоение общества [14, с. 31]. Данное утверждение подтверждает такой вывод академика НАН Украины В.М. Гейца относительно государства и представляющих его институций: важно то, «что либерально-демократическая доктрина существования государства и организация деятельности экономических учреждений в условиях безнравственности в конечном итоге приводит к огромному расслоению среди людей... Экономический рост, которого неудержимо хотят экономисты, бизнесмены и политики, уничтожает жизнь... не благодаря развитию реальной экономики, а благодаря официально оформленным воровству, манипуляциям и спекуляции, позволяющим незаконно обогащаться богатым» [15, с. 122].

В такой ситуации именно олигархи стали главными выгодополучателями процесса приватизации и сконцентрировали в своих руках основные экономические активы, созданные на этапе исторического развития СССР. Подавляющее же большинство населения, после беспрецедентного периода стагфляции 1992—1994 гг., массовой безработицы, рекордного сокращения зарплат, «признало добровольный отказ» от права на долю своих активов государственной собственности бывшего СССР в пользу олигархов. Взамен домохозяйства получили от власти незначительный, но постоянный рост размера прожиточного минимума и реальной заработной платы, сравнительно низкие тарифы на коммунальные услуги, возможность работать в теневом секторе экономики, облегченные требования выхода на пенсию, частичные выплаты обесцененных сбережений «Сберегательного банка СССР» некоторым категориям граждан.

Однако данный общественный договор был нарушен в 2009 г., когда глобальный финансовый кризис ускорил распад неэффективной экономической системы, построенной на фундаменте коррупционных рент, ВВП Украины снизился по сравнению с предыдущим годом на 15%, а национальная валюта одновременно обесценилась более чем в 2 раза. В результате в наступившем десятилетии олигархические элиты уже не смогли обеспечить обществу патерналистские гарантии в виде социально приемлемых пенсий, зарплат, сравнительно низких тарифов на коммунальные, транспортные услуги и услуги в сфере здравоохранения. Данная ситуация обострилась крайне низким ВВП (без учета теневого) и долей оплаты труда в нем по сравнению с ведущими странами мира.

Вслед за прошедшими в 2019 г. выборами в Украине появилась вероятность институциональной конструкции нового, довольно противоречивого общественного договора, который, с одной стороны, будет опираться на задекларированную правительством либертарианскую модель, которая в реальности основывается на дезорганизации прежних ценностных ориентаций и патерналистских норм материального благополучия, а с другой — будет разрушаться олигархами, поддерживавшими прежний политический режим и о необходимости устранения от власти которых заявлено президентом и правительством, ключевая задача которых состоит в сохранении своего влияния на государственные институции с одновременным удержанием величины изымаемой коррупционной ренты. При этом необходимо принять во внимание, что реформам предшествует критический

рост неопределенности, проявлением которой являются массовые институциональные деструкции. В свою очередь, ключевые трансформации предыдущей институциональной траектории не могут быть преодолены в рамках старой системы правил и фактического распределения полномочий в прежнем государственном устройстве, требующей изменения распределения экономической власти в обществе [16, с. 5] и утверждения нового общественного договора.

ИССЛЕДОВАНИЕ КОРРЕЛЯЦИОННО-РЕГРЕССИОННОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ВЫБРАННЫМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ В УКРАИНЕ И В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЦВЕ

Для конкретизации вышеизложенного, с учетом динамики процесса институционализации в Украине и в постсоциалистических странах ЦВЕ, сопоставим институциональные факторы и факторы рисков политической нестабильности в некоторых из них. При этом проанализируем корреляционную связь между выбранными детерминантами с учетом анализируемой проблематики и методологии «Индекса недееспособности государств» (Fra-

Таблица 1. Выбранные индикаторы «Индекса недееспособности государств», ВВП на душу населения и уровень коррупции

Показатели	Страны							
	Словения	Чехия	Польша	Латвия	Румыния	Венгрия	Болгария	Украина
Место в рейтинге	163-е	154-е	144-е	142-е	137-е	134-е	132-е	91-е
ВВП на душу населения (дол.)	26234	22850	15431	18032	12285	15924	9267	2964
Демографическое давление	1,0	3,2	2,4	3,0	2,5	2,7	4,3	7,1
Экономическая нестабильность	3,6	3,0	4,7	5,1	4,5	3,6	4,2	7,6
Делегитимизация госструктур	2,1	4,7	4,1	2,8	5,6	6,4	3,9	3,8
Нарушения прав человека	1,0	2,2	4,2	3,0	3,5	5,3	3,2	6,6
Влияние аппарата госбезопасности	1,7	1,0	2,4	2,3	2,6	1,4	3,5	3,6
Влияние клановых элит	3,4	3,2	3,0	2,2	2,3	5,9	4,3	4,7
Вмешательство других государств	1,7	2,1	3,4	3,3	3,6	4,2	4,3	8,4
Итоговый показатель	28,0	37,6	42,8	43,9	47,8	49,6	50,6	71,0
Уровень коррупции	60,0	59,0	58,0	46,0	60,0	47,0	42,0	32,0

Примечание: подсчет итогового Индекса осуществляется по шкале от 0 — наивысшая степень стабильности (максимально низкие риски и угрозы) до 10 — наименьшая степень стабильности (максимально высокие риски и угрозы) с использованием десятых долей.

Источник: Fragile States Index. Annual report 2019. — Washington : The Fund for Peace, 2019. — 43 p.; The Global Competitiveness Report ; [K. Schwab (Ed.)] / World Economic Forum. — Geneva, 2019. — 648 p.

Таблица 2. Корреляционная матрица между ВВП на душу населения, выбранными индикаторами «Индекса недееспособности государств» и уровнем коррупции

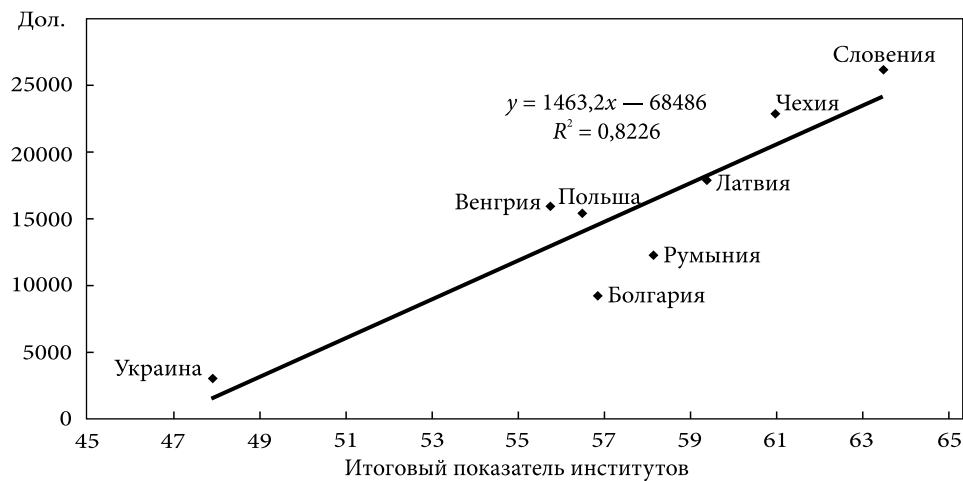
	y_1	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8	x_9
y_1	1	-0,857	-0,739	-0,277	-0,855	-0,760	-0,499	-0,929	-0,966	0,887
x_1		1	0,781	0,058	0,717	0,670	0,377	0,909	0,911	-0,859
x_2			1	-0,206	0,698	0,758	0,075	0,880	0,815	-0,722
x_3				1	0,470	-0,201	0,391	0,146	0,298	0,053
x_4					1	0,463	0,555	0,884	0,903	-0,693
x_5						1	0,047	0,718	0,702	-0,652
x_6							1	0,476	0,442	-0,546
x_7								1	0,975	-0,859
x_8									1	-0,838
x_9										1

gile States Index)¹, являющегося одним из наиболее авторитетных и популярных в сфере данной проблематики и характеризующего способность (или неспособность) властей контролировать целостность территории, демографическую, политическую и экономическую ситуацию в стране. В основе методологии расчета лежит метод контент-анализа с использованием специального закрытого программного обеспечения, мониторящего 12 основных индикаторов (табл. 1).

Построим корреляционную матрицу, содержащую коэффициенты корреляции вышеперечисленных стран между ВВП на душу населения и выбранными индикаторами «Индекса недееспособности государств», где: y_1 — ВВП на душу населения (дол.); x_1 — уровень демографического давления; x_2 — уровень экономической нестабильности; x_3 — уровень делегитимизации и криминализации государственных структур; x_4 — уровень нарушений прав человека; x_5 — уровень влияния аппарата государственной безопасности в формате «государство в государстве»; x_6 — уровень влияния групповых и/или клановых элит; x_7 — степень вмешательства других государств или внешних политических субъектов; x_8 — итоговый показатель индекса; x_9 — уровень коррупции (табл. 2).

Исходя из данных анализируемой корреляционной матрицы (трактуются с учетом разнонаправленности показателей) и требований существенной прямой и обратной корреляционной связи между переменными, мы получили следующий результат: наличие тесной обратной связи между ВВП на душу населения (y_1) и такими показателями, как: уровень коррупции (x_9), уровень демографического давления (x_1), уровень экономической нестабильности (x_2), уровень нарушений прав человека (x_4), уровень влияния ап-

¹ Fragile States Index / Annual report 2019. — Washington : The Fund for Peace, 2019. — 43 p.

Корреляционно-регрессионная связь итогового показателя институтов и ВВП на душу населения Украины и анализируемых стран ЦВЕ

Источник: Рассчитано и построено авторами.

парата государственной безопасности в формате «государство в государстве» (x_5), степень вмешательства других государств или внешних политических субъектов (x_7), итоговый показатель (x_8); отсутствие существенной связи между ВВП на душу населения и уровнем делегитимизации и криминализации государственных структур (x_3), а также показателем, характеризующим уровень влияния групповых и/или клановых элит (x_6).

Следующим этапом предложенного анализа будет исследование корреляционной связи между показателями ВВП на душу населения и итоговым рейтингом институтов Украины и семи стран — членов ЕС, которые в свое время принадлежали к социалистическому блоку (табл. 3). Для этого воспользуемся информационно-аналитическими данными ежегодного доклада Всемирного экономического форума о глобальной конкурентоспособности стран (The Global Competitiveness Report 2019), дающих оценку экономической среде стран мира и их способности достичь устойчивого экономического роста. При этом оцениваются 12 ключевых опор (pillars) конкурентоспособности страны, первыми из которых являются институты. В выборке институтов присутствуют те, которые, по мнению авторов, учитывают специфику Украины и являются ключевыми.

На основании данных табл. 3 построим графическое изображение корреляционно-регрессионной связи итогового показателя институтов и ВВП на душу населения Украины и анализируемых стран ЦВЕ (рис.)

Полученный итоговый результат позволяет сделать вывод о наличии достаточно сильной связи между рассматриваемыми показателями ($R^2 = 0,823$, $R = 0,907$). Полученное уравнение регрессии указывает на то, что с увеличением институционального рейтинга на один пункт уровень душевого ВВП также увеличивается — в среднем на 1463,2 дол. Из этого можно сделать следующее умозаключение. Теоретический анализ и эмпирические данные свидетельствуют о том, что динамика ВВП на душу населения связана с

Таблица 3. Индексы выбранных институтов The Global Competitiveness Report 2019 в исследуемых постсоциалистических странах (по состоянию на 2019 г.)

Показатели	Страны							
	Словения	Чехия	Латвия	Венгрия	Польша	Румыния	Болгария	Украина
Итоговый показатель институтов	63,4	60,9	59,3	55,7	56,4	58,1	56,8	47,9
Место в рейтинге	33-е	44-е	47-е	63-е	60-е	52-е	57-е	104-е
Независимость судебной системы	41,6	58,1	45,8	33,4	27,7	50,0	38,0	33,0
Бремя государственного регулирования	26,5	29,1	42,5	33,0	31,4	33,3	45,2	43,9
Эффективность правовых рамок	36,2	41,0	38,1	40,4	33,8	48,7	38,1	39,9
Уровень коррупции	60,0	59,0	58,0	46,0	60,0	47,0	42,0	32,0
Права собственности	60,7	62,3	61,8	49,5	51,4	60,7	48,6	38,6
Правительство обеспечивает стабильность политики	45,6	42,3	42,1	38,0	31,6	30,5	42,1	34,3

П р и м е ч а н и е: оценки даны по шкале от 0 до 100, где 100 обозначает оптимальную ситуацию или «границу». Рейтинг составлен для 141 страны. Источник: The Global Competitiveness Report ; [ed. K. Schwab] / World Economic Forum. — Geneva, 2019. — 648 p.

качеством институциональной среды и значительно варьируется в зависимости от эффективности функционирования институтов. Ряд исследований, в том числе и предлагаемое, подтверждает статистически значимую связь между качеством институтов, рисками в сфере политической стабильности и экономическим развитием анализируемых стран. В то же время не найдены однозначные доказательства того, что низкие показатели качества отдельных институтов приводят к одновариантным воздействиям на динамику ВВП в отдельных странах (в частности, независимость судебной системы в Польше). Также акцентируем внимание на тех факторах, которые «выпадают» из общей тенденции взаимосвязи ВВП на душу населения и «Индекса неадекватности государств», а именно: уровень делегитимизации и криминализации государственных структур, уровень влияния групповых и/или клановых элит. Последний вывод в отношении анализа исследуемой корреляционной матрицы требует дальнейшего изучения и выяснения причин такого неоднозначного результата.

Вместе с тем можно утверждать, что качество институциональной среды, которое измеряется интегрированным показателем институциональных факторов, является ключевым предварительным условием устойчивого экономического развития и динамики роста ВВП. Стабильные и эффективные институты сокращают неопределенность в политической и экономической организации общества, уменьшают макроэкономическую волатильность, снижают транзакционные издержки и тем самым способствуют инвестициям и инновациям [17, р. 144]. В свою очередь, для стран ЦВЕ — членов Европейского Союза верховенство права является фундаментальным фактором экономического роста, а для бедных стран Европы, в том числе и для Украины, первоочередная задача — противодействие коррупции, которое определяет успехи или неудачи, прежде всего, в стабилизации политической сферы и институциональных реформах. Исходя из сказанного представляем следующие **рекомендации по модернизации институциональной среды в Украине в контексте современной методологической парадигмы поиска точек соприкосновения взаимодействия власти, бизнеса и общества**. Одновременно обращаем внимание на способность сохранять в указанном соотношении постоянство внутреннего состояния данной структуры с учетом скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия.

Первая. Необходимо признать, что в Украине до сих пор не задействована основополагающая миссия в сфере формирования институциональной системы, которая бы обеспечивала эффективное взаимодействие государства, бизнеса и общества. В этом процессе первоочередного внимания заслуживает становление соответствующей институциональной среды, изначально определяющей тот или иной вектор институциональной траектории развития страны и в доминирующей степени оказывающей влияние на экономическое поведение фирм и домохозяйств. По Д. Норт, «институты включают в себя все формы ограничений, созданных людьми для того, чтобы придать определенную структуру человеческим взаимоотношениям. Они бывают и формальными, и неформальными.... Институциональные ограничения включают как запреты индивидам совершать определенные действия, так и, иногда, указания, при каких условиях отдельным индивидам разрешены не-

которые действия. Они абсолютно аналогичны правилам игры в командных спортивных играх. Иными словами, они состоят из формальных писанных правил и обычно неписаных кодексов поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их» [18, с. 18, 19]. Таким образом, формальный институт представляет собой объем функций, средств и методов действия, которые регулируются предписаниями законов или иных правовых актов, формально утвержденных кодексов, постановлений распоряжений, правил и т. д. Подчеркнем, что, регулируя экономические отношения, правительство также фиксирует механизмы, обеспечивающие соблюдение формальных институтов, определяет и переформирует границы хозяйственной деятельности, узаконивает определенные властные полномочия и, главное, налагает санкции на нарушителей формальных институтов. При этом важно учесть две позиции. Первая — государству надлежит форматировать такие «правила игры» для бизнеса и общества, которые бы не провоцировали их нарушение фирмами и домохозяйствами. Вторая — безальтернативность реализации санкций гораздо важнее, чем мера наказания за невыполнение предписаний формальных институтов. В этом случае выделяем неотвратимость наказания, невзирая на неформальные, зачастую — коррупционные, взаимоотношения представителей институций власти и субъектов предпринимательской деятельности, когда формальные институциональные ограничения подменяются неформальными. Например, при некоторых обстоятельствах некий руководитель фискальной службы дает разрешение на безосновательные отсрочки на уплату ренты компаниям, бенефициаром которых является влиятельный олигарх. Поэтому соблюдение одного из фундаментальных институтов конкурентной экономики — равенство перед законом (*dura lex, sed lex*) — необходимое условие формирования и корректирования институциональной траектории развития Украины.

Вторая (вытекает из первой). Изменения в системе судопроизводства в Украине не произойдут до того времени, пока не будет на самом деле функционировать норма неотвратимости наказания за преступления. Именно независимая, беспристрастная и прозрачная для гражданского общества судебная система занимает центральное место в институциональной среде государства. Указанное возможно лишь при выполнении двух следующих требований: обеспечение реальной, а не декларативной независимости судебной системы, что определяется отсутствием политического (оно же незаконное) и неформального (оно же коррупционное) влияний на судебные процессы, назначения и увольнения судей. Второе требование обуславливает необходимость осуществления существенного кадрового обновления судебной системы государства в целом. Прежде всего, речь идет об изменении формальных ограничений, в соответствии с которыми формировались Высшая квалификационная комиссия (ВККС) и Высший совет правосудия. Отметим также коллапс ВККС во время переаттестации судей и предоставления положительных рекомендаций недобропорядочным судьям в Верховный суд. Данный факт объясняется такими «институциональными ловушками», как рентоориентированное поведение, коррупционная и инерционная ментальность. При этом выход из «институциональной ловушки» связан со значительными транзакционными издержками, что предопределяет долго-

срочное функционирование неэффективной нормы. В дополнение к сказанному заметим, что такой выход может блокироваться влиятельными группами интересов, которые, используя ее потенциальные возможности, получают доступ к коррупционным транзакциям.

В рамках теории институциональных изменений рассматриваются, по крайней мере, два возможных выхода из «институциональных ловушек»: эволюционный, при котором возможности решения проблемы формируются, собственно, экономическими трансформациями, например — ускорением экономического роста и повышением благосостояния населения; революционный, при котором ликвидация и замена неэффективной нормы происходят безотлагательно, в результате настоятельных реформ, предусматривающих модернизацию ценностных ориентаций общества и проводимых, как правило, руководством страны или от его имени влиятельными коалициями. На наш взгляд, специфика украинской государственности более приемлет второй вариант, тем более, институт судопроизводства непосредственно связан с еще одним ключевым сегментом институциональной среды, усовершенствование которого является весьма своевременным и обуславливает нашу следующую рекомендацию.

Третья. Необходимость повышения качества института спецификации прав собственности, актуальность и важность которого определяются перспективами и рисками внедрения в институциональную среду рынка земли. В таком случае купля-продажа земли будет доступна с учетом определения субъекта и объекта собственности, способа ее наделения, а также срока, на который предоставляются права собственности. Ранее парламент не предпринимал никаких шагов для запуска рынка земли из-за мощного агропромышленного лобби, которое только выигрывало от моратория на землю. Подчеркнем, что реально функционирующий рынок сельскохозяйственных земель имеет потенциал для ликвидации существующего ныне неформального, когда имеет место «размывание» прав собственности, а именно: права собственности неточно определены, плохо защищены, а «слабое государство» не в состоянии обеспечить их защиту. Именно этим и объясняется нынешнее существование неформального института рынка земли, который институционализировал такие теневые схемы продажи: путем сдачи земли в аренду на срок до 49 лет; путем обмена земельными участками; через право долгосрочного пользования земельным паем; через подставных лиц. С введением электронных земельных торгов первая комбинация трансформировалась в неформальную сделку с бюрократией о продлении договоров аренды. Также следует отметить, что первым этапом указанной спецификации должна быть инвентаризация всей земли с четким определением границ и владельцев земельных участков и паев.

Однако в процессе институционализации рынка земли сегодняшнее правительство ожидаемо приобретает серьезную проблему, которая обозначается как институциональное противостояние прежних ценностных ориентаций патерналистской административно-командной экономики и доминирующего мировоззрения развитых стран европейской цивилизации, институциональный генотип [19] которых основывается на работоспособном индивидуализме, сокращенной дистанции власти и высокой степени готовности к риску.

Четвертая. Необходимость институциональных изменений в банковской системе, обоснованная исследованиями негативных факторов развития банкинга в период до смены предыдущей государственной власти и первостепенной важностью банковской сферы в обеспечении функционирования государства, бизнеса и общества.

В условиях, когда период экстенсивного роста банков закончился и первостепенной задачей стала целевая установка на оптимизацию количества банков, одновременно появилась проблема банкротства банков в Украине. Следует признать, что так или иначе это преимущественно было связано с кредитованием банками проектов своих акционеров и высокой маржинальностью банковского бизнеса. Однако еще в августе 2018 г. премьер-министр потребовал расследовать схемы банкротства 56 банков для установления обстоятельств с персонификацией должностных лиц государства, которые способствовали выведению активов, и выяснения условий осуществления указанных трансакций. Данное поручение премьер-министра реализовано не было.

По информации немецких журналистов-расследователей [20], большинство проблемных украинских банков практиковали выведение средств, в том числе полученных в качестве рефинансирования. В то же время подразделения финансового мониторинга и банковского надзора НБУ, а также Государственная служба финансового мониторинга, которые обязаны отслеживать «подозрительные» трансакции в режиме реального времени, игнорировали и не пресекали факты выведения денег вкладчиков за границу.

В таком случае институциональная теория предполагает разработку соразмеримого контракта между принципалом — руководством Центрального банка и агентом — соответствующими службами банковского надзора и финансового мониторинга в виде договора, которым закрепляется функция отслеживания «подозрительных» трансакций. При этом взаимоотношения схемы «принципал — агент», когда право отдавать распоряжения принадлежит только принципалу, можно спроектировать построением соответствующей модели «дилеммы заключенных». Однако анализ предложенной модели фиксирует отсутствие равновесия Нэша. Представленное умозаключение усугубляется препятствием взаимоисключающих соображений в деятельности агентов и принципалов и невозможностью фиксирования оптимального результата, который удовлетворял бы обе стороны. Данные предостережения усложняются и тем обстоятельством, что, как правило, реляционные контракты, заключаемые между принципалами и агентами с учетом крайней неопределенности будущего и фиксирующие главным образом обязательные функции и отношения (субординации, подчиненности и т. п.) на тот или иной срок, подменяются имплицитными — молчаливым признанием сторонами взаимных обязательств, которые не обеспечены юридической защитой.

Таким образом, обе стороны взаимодействия модели «принципал — агент» априори не в состоянии оценить потенциальные конфликты и определить будущие стратегии и типы поведения. Чтобы делегирование полномочий агенту не привело к хаосу, данный процесс формализуется определенными правилами, которые, по сути, являются договоренностями об интерпретации деятельности, делегируемой агенту. В то же время принципал должен

обеспечить агента следующими функциональными составляющими: системой правил и стандартов функционирования организации в институциональной среде как на макро-, так и на микроуровне, методологией мониторинга соблюдения стандартов и правил, системой санкций за их нарушение.

Однако неопределенность в отношениях «принципал — агент» приводит к проблеме, которая усугубляется асимметрией в распределении информации, что обуславливает необходимость создания института контролера. Функции последнего заключаются в мониторинге соблюдения агентами описанных договором обязанностей, выполнении оперативных распоряжений и наложении соответствующих санкций в случае их нарушения. При этом разного рода организации не застрахованы от ситуации «дурной бесконечности» или необходимости «контроля за контролером». В то же время всякий типичный способ решения указанной задачи не является законченной вероятностью избежать обозначенной проблемы и лишь в некоторой степени предполагает урегулирование подобного конфликта [21, с. 94]. Один из возможных сценариев выхода из такого положения дел — формирование института центрального агента, который одновременно будет выполнять функции контролера. Что касается воплощения представленных теоретических рассуждений в процедуру деятельности банковской системы, то в условиях доступа ко всем реестрам и базам данных, необходимым для проверки «сомнительных» банковских транзакций, институт центрального агента, с учетом минимизации коррупционных рисков, должен функционировать в электронном автоматизированном режиме.

Естественно, что перечисленные рекомендации по совершенствованию институциональной среды в экономике Украины не ограничиваются только четырьмя. Например — институциональный анализ государственного строя. Необходимость указанного исследования объясняется тем, что формально Украина представляет собой унитарную парламентско-президентскую республику, однако неформальные институциональные ограничения свидетельствуют о том, что определенные полномочия президента присущи только президентским и президентско-парламентским государствам. Тем более, Офис президента, по сути, имеет «теневую», но гораздо более влиятельную зону ответственности в сфере формирования правительства, в том числе назначения руководителей силовых структур, в целом организации работы и контроля названных институций. Соответственно, возникает необходимость анализа дискуссионных вопросов касательно требований, связанных с усилением полномочий президента и равноудаленных возражений против реализации президентской модели в Украине, а также возможности обеспечения последней длительной политической стабильности и устойчивого экономического развития и т. д.

ВЫВОДЫ

Таким образом, риски политической нестабильности, как правило, обуславливают институциональные трансформации в экономике государств, подобные тем, которые происходили в постсоциалистических странах в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Одновременно коренная модификация институтов в постсоциалистических странах ЦВЕ привела к разрушению сферы влияния Советского Союза, резкому изменению баланса сил в глобальной

экономике и политике, крушению командно-административной системы, становлению новых институциональных структур в политическом и экономическом развитии. При этом основными причинами сравнительно убедительных итогов экономического развития стран Центральной и Восточной Европы являются внедрение в экономику, большей частью, эффективных институтов и создание условий для политической стабильности. Страны ЦВЕ, которые, в отличие от Украины, сегодня являются членами Европейского Союза, за отелными исключениями, смогли преодолеть проблемы институциональных барьеров в таких сегментах, как: права собственности, хищение государственных средств, неправомерные платежи и взятки, независимость правосудия, фаворитизм в решениях чиновников, непродуктивность государственных расходов, бремя государственного регулирования, эффективность правовой среды, прозрачность государственной политики, издержки бизнеса вследствие преступности и насилия, надежность услуг полиции, надежность защиты прав инвесторов.

Следствием же неэффективной институциональной политики в Украине стали такие губительные для экономики факторы, как тотальная коррупция и искаженные мотивы экономической деятельности. Необходимо признать, что становление и функционирование неэффективных институтов, неудовлетворительное выполнение государственной властью взятых на себя обязательств происходят не вследствие недопонимания политиками необходимости целесообразных институциональных реформ. К сожалению, история независимой Украины до недавнего времени подтверждала истинность того, что государственные деятели инициировали и поддерживали такую политику, которая позволяла им как можно дольше пребывать у власти, создавала условия для личного обогащения и предоставляла возможности недобросовестной конкуренции с политическими оппонентами. Хотя последние и намеривались, по крайней мере, декларативно внедрить в экономику более эффективные институциональные инициативы и минимизировать риски социально-экономического развития страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Compton R., Giedeman D., Johnson N.* Political Instability, Institutions, and Economic Growth / XIV International Economic History Congress. — 2006. — Sess. 84. — 42 p.
2. *Aisen A., Veiga F.* How Does Political Instability Affect Economic Growth? // IMF Working Paper, International Monetary Fund. — 2011. — January. — 29 p.
3. *Alesina A., Özler S., Roubini N., Swagel Ph.* Political instability and economic growth // *Journal of Economic Growth*. — 1996. — June. — Vol. 1. — Iss. 2. — P. 189—211.
4. *Лазутін В.Д.* Інститути і економічні механізми стабільності та розвитку суспільства // *Економіка України*. — 2018. — № 9. — С. 13—25.
5. *Berggren N., Bergh A., Bjornskov C.* The growth effects of institutional instability // *Journal of Institutional Economics*. — 2012. — Vol. 80. — № 3. — P. 459—480.
6. *Dani R., Wacziarg R.* Do Democratic Transitions Produce Bad Economic Outcomes? // *American Economic Review*. — 2005. — Vol. 95. — № 2. — P. 50—55.
7. *Bowles S.* *Microeconomics: Behavior, Institutions and Evolution*. — Santa Fe Institute : Princeton University Press, 2002. — 576 p.
8. *Куц А.* Как работают законы коррупционной рентной экономики [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://112.ua/mnenie/kak-rabotayut-zakony-korrupcionnoy-rentnoy-ekonomiki-498493.html>.

9. Пустовийт Р.Ф. Інституціональні фактори клептократичної економіки // Економіка України. — 2015. — № 12. — С. 26—38.
10. Pleines H. Oligarchs and Politics in Ukraine // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. — 2016 — № 24 (1). — P. 105—127.
11. Дементьев В.В. Власть, прибыль и экономический рост // Наукoві праці Донецького національного технічного університету. — Сер.: Економічна. — 2014. — № 1. — С. 19—24.
12. Kuzio T. Oligarchs Wield Power in Ukrainian Politics // *Eurasia daily monitor*. — 2008. — Vol. 5. — Iss. 125 [Електронний ресурс]. — Режим доступа : <https://jamestown.org/program/oligarchs-wield-power-in-ukrainian-politics/>.
13. Тарасевич В.М. Четверть століття незалежності України: актуальні контексти та імперативи соціально-економічних реформ // Економіка України. — 2017. — № 8. — С. 14—28.
14. Гриценко А.А. Базова деградація соціально-економічної системи України і шляхи її подолання / Інституційні трансформації соціально-економічної системи України : моногр. ; [за ред. А.А. Гриценка] / НАН України; ДУ «Інститут економ. та прогнозув. НАН України». — К., 2015. — 344 с. — С. 30—47.
15. Гець В.М. Модернізація в системі «суспільство — держава — економіка» // Європейська економіка. — 2014. — № 2. — С. 111—124.
16. Яременко О.Л. Суперечливий вплив інституційних реформ на функціонування економіки // Економіка України. — 2018 — № 11-12. — С. 3—18.
17. Jankauskas V., Seputiene J. The Impact of the Institutional Environment on the Economic Development // *Ekonomika*. — 2009. — № 87. — P. 141—153.
18. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики ; [пер. с англ. А.Н. Нестеренко] ; [предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера]. — М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
19. Пустовийт Р.Ф. Аналіз концепції інституційного генотипу // Механізм регулювання економіки. — 2015. — № 3. — С. 23—33.
20. Кравець Р. Коррупция на миллиарды, или почему Гонтарева лучший банкир во вселенной [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://knpartners.com.ua/korruptsiya-na-milliardi-ili-pochemu-gontareva-luchshiy-bankir-vo-vselennoy/>.
21. Обьеденов А. Институциональные особенности саморегулирования бизнеса // Вопросы экономики. — 2003. — № 11. — С. 88—98.

Стаття поступила 18.11.2019

REFERENCES

1. Compton R., Giedeman D., Johnson N. Political Instability, Institutions, and Economic Growth. *XIV International Economic History Congress*, 2006, Sess. 84.
2. Aisen A., Veiga F. How Does Political Instability Affect Economic Growth? *IMF Working Paper*, January, 2011, International Monetary Fund.
3. Alesina A., Özler S., Roubini N., Swagel Ph. Political instability and economic growth. *Journal of Economic Growth*, June, 1996, Vol. 1, Iss. 2, pp. 189—211.
4. Lahutin V. Institutions and economic mechanisms of stability and development of society. *Economy of Ukraine*, 2018, No. 9, pp. 13—25 [in Ukrainian].
5. Berggren N., Bergh A., Bjornskov C. The growth effects of institutional instability. *Journal of Institutional Economics*, 2012, Vol. 80, No. 3, pp. 459—480.
6. Dani R., Wacziarg R. Do Democratic Transitions Produce Bad Economic Outcomes? *American Economic Review*, 2005, Vol. 95, No. 2, pp. 50—55.
7. Bowles S. *Microeconomics: Behavior, Institutions and Evolution*. Santa Fe Institute, Princeton University Press, 2002.
8. Kushch O. How the laws of a corrupt rental economy work, available at: <https://112.ua/mnenie/kak-rabotayut-zakony-korruptsionnoy-rentnoy-ekonomiki-498493.html> [in Ukrainian].
9. Pustovyiit R.F. Institutional factors of the kleptocratic economy. *Economy of Ukraine*, 2015, No. 12, pp. 26—38 [in Ukrainian].
10. Pleines H. Oligarchs and Politics in Ukraine. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2016, No. 24 (1), pp. 105—127.

11. Dementjev V. Power, Profit and the Economic Growth. *Scientific works of Donetsk National Technical University. Ser. Economic*, 2014, No. 1, pp. 19—24 [in Russian].
12. Kuzio T. Oligarchs Wield Power in Ukrainian Politics. *Eurasia Daily Monitor*, available at: <https://jamestown.org/program/oligarchs-wield-power-in-ukrainian-politics/>.
13. Tarasevych V.M. A quarter of a century of Ukraine's independence: actual contexts and imperatives of socio-economic reforms. *Economy of Ukraine*, 2017, No. 8, pp. 14—28 [in Ukrainian].
14. Gritsenko A. Base Destruction of the Socio-Economic System of Ukraine and Ways to Overcome It. *Institutional transformations of the socio-economic system of Ukraine*. A. Gritsenko (Ed.). Kyiv, NAS of Ukraine, Institute for Economics and Forecasting, 2015, pp. 30—47 [in Ukrainian].
15. Heyets V. Modernization in the System Society—State—Economy. *Journal of the European Economy*, 2014, No. 2, pp. 111—124 [in Ukrainian].
16. Yaremenko O. Controversial influence of institutional reforms on the functioning of the economy. *Economy of Ukraine*, 2018, No. 11—12, pp. 3—18 [in Ukrainian].
17. Jankauskas V., Seputiene J. The Impact of the Institutional Environment on the Economic Development. *Ekonomika*, 2009, No. 87, pp. 141—153.
18. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. A. Nesterenko (Transl.), B. Milner (Ed.). Moscow, Economic Book Foundation «Nachala», 1997 [in Russian].
19. Pustovyi R. Institutional genotype concept analysis. *Mechanism of Economic Regulation*, 2015, No. 3, pp. 23—33 [in Ukrainian].
20. Kravets R. Corruption by the billions, or why Gontareva is the best banker in the universe, available at: <https://knpartners.com.ua/korruptsiya-na-milliardy-ili-pochemu-gontareva-luchshiy-bankir-vo-vseleenny/> [in Russian].
21. Obydenov A. Institutional Specifics of Business Self-regulation. *Issues of Economy*, 2003, No. 11, pp. 88—98 [in Russian].

Received on November 18, 2019

Р.Ф. Пустовийт, д-р екон. наук, проф.,
проф. кафедри економіки, підприємництва і маркетингу,
Черкаський державний бізнес-коледж,
вул. В'ячеслава Черновола, 243, 18000, Черкаси, Україна,
О.В. Куклін, д-р екон. наук, проф., директор,
Черкаський державний бізнес-коледж,
вул. В'ячеслава Черновола, 243, 18000, Черкаси, Україна

ВПЛИВ ІНСТИТУЦІОНАЛЬНИХ ФАКТОРІВ І РИЗИКІВ ПОЛІТИЧНОЇ НЕСТАБІЛЬНОСТІ НА ЕКОНОМІКУ ДЕРЖАВИ

Досліджено економіки держав з точки зору факторів, які мінімізують ризики політичної нестабільності та впливу формальних і неформальних інститутів. При цьому проаналізовано обставини формування інституційної якості країни як наслідки стану і результативності основних факторів інституціонального середовища в пріоритеті економічного розвитку. Зазначено, що основними причинами переконливих підсумків економічного розвитку досліджуваних країн є впровадження в економіку ефективних інститутів і створення умов для мінімізації ризиків політичної нестабільності. Акцентовано увагу на тому, що якість інституціонального середовища, яка вимірюється інтегрованим показником інституційних факторів, є ключовою попередньою умовою сталого економічного розвитку і динаміки зростання ВВП. Водночас аргументи, засновані на політичній невизначеності й перехідних витратах інституційної трансформації, передбачають позитивний кореляційний зв'язок, проте вплив інституційної нестабільності на економічний розвиток має враховувати різноманітність наслідків. Для цього досліджено багатомірність інституційної якості й доведено, що наслідки економічної нестабільності можуть варіюватися залежно від інституційних тенденцій та політичних ризиків, а інституційна якість обумовлює неоднозначні ефекти інституційних змін у різних країнах.

Так, для країн Центральної та Східної Європи, що входять до ЄС, верховенство права є фундаментальним інституційним фактором економічного зростання, а для бідних країн Європи, у тому числі й для України, першорядним завданням є протидія корупції, яка насамперед визначає успіхи і невдачі в стабілізації політичної сфери та інституційних реформах.

Подано і проаналізовано дослідження кореляційно-регресійного зв'язку України і вибраних країн Центральної та Східної Європи між підсумковим показником інститутів і ВВП на душу населення, а також кореляційної матриці «ВВП на душу населення, вибрані індикатори Індексу недієздатності держав і рівень корупції в цих країнах».

Виходячи з викладеного, пропонуються рекомендації з модернізації інституціонального середовища в Україні в контексті сучасної методологічної парадигми знаходження взаєморозуміння між державою, бізнесом і суспільством.

Ключові слова: *інституціональна теорія; формальні й неформальні інститути; політична нестабільність; Індекс недієздатності держав; конкурентоспроможність країн; корупція.*

Robert Pustovyiit, Dr. Sci. (Econ.), Professor,
Professor of the Department of Economics, Entrepreneurship and Marketing,
Cherkasy State Business College,
243, Viacheslava Chornovola St., Cherkasy, 18000, Ukraine
Oleg Kuklin, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Director,
Cherkasy State Business College,
243, Viacheslava Chornovola St., Cherkasy, 18000, Ukraine

THE IMPACT OF INSTITUTIONAL FACTORS AND RISKS OF POLITICAL INSTABILITY ON THE STATE ECONOMY

The economies of states are examined in terms of factors that minimize the risks of political instability and the impact of formal and informal institutions. At the same time, the circumstances of the formation of the institutional quality of countries as a consequence of the state and effectiveness of the main factors of the institutional environment in the priority of economic development are analyzed. It is indicated that the main reasons for the convincing results of the economic development of the studied countries are the introduction of effective institutions in the economy and the creation of conditions to minimize the risks of political instability. Attention is focused on the fact that the quality of the institutional environment, as measured by an integrated indicator of institutional factors, is a key prerequisite for sustainable economic development and GDP growth dynamics. At the same time, arguments based on political uncertainty and the transition costs of institutional transformation suggest a positive correlation, but the impact of institutional instability on economic development must take into account the diversity of consequences. To do this, the multidimensionality of institutional quality is investigated and it is proved that the consequences of economic instability can vary depending on institutional trends and political risks, and institutional quality determines the ambiguous effects of institutional changes in different countries.

So, for the countries of Central and Eastern Europe that are members of the European Union, the rule of law is indicated by the fundamental institutional factor of economic growth, and for the poor countries of Europe, including Ukraine, the primary task is to combat corruption, which primarily determines success or failure to stabilize the political sphere and institutional reforms.

The article provides and analyzes studies of the correlation and regression relationship between Ukraine and selected countries of Central and Eastern Europe between the final indicator of institutions and GDP per capita, as well as the correlation matrix «GDP per capita, selected indicators of the Fragile States Index and the level of corruption in these countries.»

Based on the foregoing, recommendations are suggested for the modernization of the institutional environment in Ukraine in the context of the modern methodological paradigm for finding common ground between government, business and society.

Keywords: *institutional theory; formal and informal institutions; political instability; Fragile States Index; competitiveness of countries; corruption.*